

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51+ 355.01

КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ЕЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены основные направления либеральной критики исторической памяти о Великой Отечественной войне в современной России, ее официальной трактовки и использования в политических целях. Представленный в статье материал позволил констатировать, что альтернативное понимание изучения истории Великой Отечественной войны, ориентированное преимущественно на выявление ее негативных сторон, объективно нацелено на дискредитацию советского наследия, разрыв преемственности поколений и делегитимацию действующей политической системы современной России. Сделан вывод о том, что историческая память о Великой Отечественной войне – это действительно память скорби о жертвах и запредельных тяготах войны, но при этом она не должна заслонять памяти о Великой Победе как торжестве спасения российских народов от самой страшной угрозы в истории нашей страны и всего человечества.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, либеральная критика официальной трактовки Великой Отечественной войны, политические последствия негативной трактовки Великой Отечественной войны.

Critique of the Great Patriotic War Historical Memory and Its Potential Political Consequences

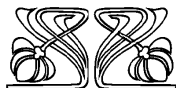
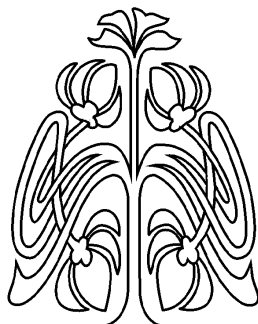
A. A. Vilkov

The main branches of the liberal critique of the Great Patriotic War historical memory in contemporary Russia, its official interpretation and usage for political purposes are considered in this article. The material presented in the paper allows concluding that alternative comprehension of the Great Patriotic War history, which is oriented primarily to revelation of its negative sides, objectively aims at discretization of the Soviet heritage, severance of intergenerational continuity, and delegitimizing of the current political system of modern Russia. The author draws a conclusion that the Great Patriotic War historical memory is indeed the memory of sorrow over the war victims and egregious severities. But, at the same time, it should not shut out the memory of the Great Victory as a triumph of Russian peoples' salvation from the most evil threat in the history of our country and the whole world.

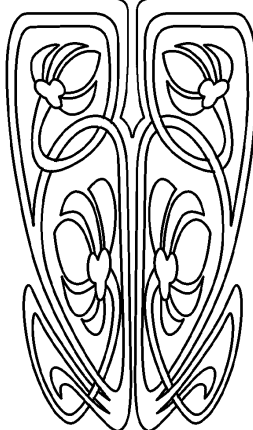
Key words: historical memory, Great Patriotic War, liberal critique of the Great Patriotic War official interpretation, political consequences of the Great Patriotic War negative interpretation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-62-68

Проблема исторической памяти о тех или иных событиях в жизни разных народов постоянно является предметом острой борьбы различных политических сил внутри стран, а также со стороны их конкурентов на международной арене. Не случайно, что в годы перестройки на русском языке был издан труд французского историка Люсьена Февра, который так и назывался – «Бои за историю»¹. Главный смысл критического подхода автора состоял в том, чтобы обосновать необходимость отхода от поверхностного и политизированного изучения сложного, противоречивого и многомерного процесса развития конкретных стран в конкретные исторические периоды. Но особенно усиливается борьба по поводу знаковых исторических событий в

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

периоды международных кризисов и обострения отношений между странами, тесно связанными в своем историческом развитии. Особую опасность ей придает стремление политиков апеллировать к одним и тем же важнейшим событиям мировой истории на основе их собственной интерпретации.

История Великой Отечественной войны в советский период была предметом законной гордости большинства народов СССР, с честью выдержавших и переживших это тяжелейшее испытание. Право гордиться решающим вкладом СССР в дело освобождения человечества от самой страшной «коричневой чумы» XX столетия было завоевано неимоверными усилиями, потом и кровью, гибелью и покалеченными судьбами десятков миллионов советских граждан, разрушенными городами и селами, которые пришлось восстанавливать в послевоенный период. Память об этой войне на несколько поколений стала определяющим фактором формирования патриотизма и гордости за свою страну и свою историю.

Однако уже в период перестройки и гласности события Великой Отечественной войны стали одним из тех направлений, по которым началось раскрытие «белых пятен» истории страны. Они включали как работы профессиональных историков, так и работы публицистов, воодушевленных массовым интересом к данным проблемам. Часть из них действительно содержали новые архивные документы и материалы, позволяющие более всесторонне и глубоко понять и осмыслить различные события войны, но значительная часть носила откровенно политизированный характер. Именно в это время появились первые публикации о «бессмысленности» многомиллионных жертв в ходе «бездарных» военных операций, а также публикации с «разоблачениями мифов» о Зое Космодемьянской, Александре Матросове, героях-панфиловцах и т. д.

Впоследствии были публикации перебежчика В. Суворова-Резуна, которые перекладывали ответственность за развязывание Великой Отечественной войны на СССР, работы, оправдывающие предательство генерала Власова и его армии, и многие другие. В результате в годы пустых прилавков появились первые признаки искажения и «коррозии» коллективной исторической памяти, когда в ход пошли кощунственные анекдоты о том, что «если бы проиграли войну – сейчас пили бы баварское пиво»². О том, что по плану Ост от славянских народов должна была остаться только четверть населения, а остальные подлежали физическому уничтожению, в период перестройки напоминать было не модно, поскольку это расценивалось как официальная трактовка. Вместе с другими направлениями «гласности» публикации с «разоблачением» истории войны стали одним из важнейших факторов делегитимации советского строя и всей его

истории, что оказалось немаловажным фактором разрушения СССР и сопутствующих кровавым конфликтам на постсоветском пространстве.

В постсоветский период дискуссии по различным вопросам истории Великой Отечественной войны и функциональность исторической памяти особенно актуализировались в период юбилейных дат. Не случайно, что к 60-летию Великой Победы пролиберальный журнал «Неприкосновенный запас» выпустил номер, почти полностью посвященный данной проблематике. В нем были опубликованы статьи многих известных западноевропейских историков, социологов и политологов (Т. Адорно, М. Феретти, М. Хальбвакса, И. Хёслера, А. Лангенюля и др.), а также представителей отечественной науки и специалистов постсоветского пространства. В них изложен интересный взгляд на соотношение коллективной и исторической памяти, на тенденции интернационализации памяти о Второй мировой войне, воспоминания об оккупации и Холокосте и т. д.

Среди публикаций отечественных исследователей в журнале знаковой стала статья известного социолога Л. Д. Гудкова. Он констатировал, что российское общество «миновало период критической переоценки своего прошлого, в том числе – и военного, оставив в стороне дискуссии о “цене” победы, оценку предвоенной и послевоенной политики. <...> Воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка, они встраиваются в общий порядок посттоталитарной традиционализации культуры в обществе, не справившемся с вызовами вестернизации и модернизации, общества, не выдержавшего напряжения начавшихся социальных изменений»³. Однако автор, констатируя свое разочарование провалом либерального критического переосмысления исторического прошлого страны, оставляет без оценки тот факт, что именно оно стало одним из важнейших факторов социальной аномии в 1990-е гг. Приведенный самим Л. Гудковым результат соцопроса 1996 г. свидетельствует, что на вопрос: «Что у вас лично вызывает наибольшую гордость в нашей истории?» победу в Великой Отечественной войне выбрали только 44% опрошенных, причем это была самая большая группа ответов. В 2003 г. таких было уже 87%. «Больше сегодня гордиться нечем – распад СССР и неудача реформ в постсоветское время, заметное ослабление массовых надежд и исчезновение перестроечных иллюзий стали содержанием травматического опыта национальной несостоятельности»⁴. Эта жесткая оценка не сопровождается ни сочувствием, ни сопереживанием, ни попыткой разобраться в ответственности за данную травму, нанесенную целому народу. Обвинительный акцент в отношении российского народа прослеживается красной строкой на протяжении

всей статьи. Например, автор обозначает болевые точки российского массового сознания как «остаточные радикалы закрытого, параноидального мобилизационного милитаристского общества, в котором власть поддерживает ненависть своих граждан к внутренним и внешним врагам, культивирует образ врага и страх перед ним, делающие необходимой саму власть»⁵. Подтекстом выступает разочарование – «народ российским либералам достался плохой» – уж как они стараются лишить россиян последней гордости для коллективного национального самоутверждения, а те никак не поддаются. К 70-летию юбилею Великой Победы позиция автора ничуть не изменилась. Более того, одна из претензий автора к действующей власти и российскому обществу, высказанная в интервью агентству «Лента.ру», состоит в том, что «война и победа становятся предметом патриотического воспитания»⁶.

Можно было бы разделить весь пафос и негодование Л. Д. Гудкова и других подобных ему критиков недостаточного внимания российских историков и общественности к потерям, к трудностям военного быта, к просчетам государственного, партийного и военного руководства, если бы за данной критикой не просматривался очень четко ее делегитимационный смысл. Критика действующего политического режима за его внимание к патриотическому воспитанию предполагает своей целью полный разрыв в массовом сознании с советским, заодно и дореволюционным имперским прошлым, и соответствующую полную социальную и национальную аномию. Вопрос о том, к какому краху это может привести, с учетом исторического опыта февраля 1917 г., опыта перестройки, того, что либеральная модель в том виде, в котором она была реализована в России в 1990-е гг., была дискредитирована в массовом сознании, российские либералы даже не ставят. Их критика напоминает старый анекдот о двух обезьянах, разбирающих атомную бомбу: «рванет или не рванет? – ничего у меня в запасе еще одна есть». Нет сегодня у российских либералов ничего в запасе, свой исторический лимит доверия они исчерпали. Никакой стабильной демократической альтернативы развития России на основе разрушения легитимационной и идентификационной функциональности исторической памяти о Великой Отечественной войне не существует. Акцент на репрессиях, выселениях, жертвах, на ошибках руководства эту позитивную функциональность заменить не сможет. Он способен привести лишь к раздраю и смятению в обществе и к идентификационному вакууму. Но общество, как и природа, не терпит пустоты. Лишение народов исторического смысла своего существования и национальной гордости, социально-психологическая ущербность в восприятии своего государства и его истории закономерно заменяются этнической идентичностью, которая в полиэтничной и поликонфес-

сиональной России неизбежно приведет к росту национализма и этнонационализма, к обострению взаимных претензий и соответствующих конфликтов.

Не случайно, что после разрушения СССР на постсоветском пространстве память о совместной победе в Великой Отечественной войне достаточно длительное время по инерции была тем стержнем, который продолжал духовно скреплять народы бывших советских республик. Много оставалось живых свидетелей, велика была гордость за вклад в общую победу. Но во многих новообразованных государствах легитимацию своего суверенитета национальные политические элиты начали в том числе с ревизии характеристик и результатов Великой Отечественной войны.

Прибалтийские государства реабилитировали своих национальных союзников фашистской Германии, возвели ветеранов – пособников Гитлера – в ранг героев как участников сопротивления «советской оккупации». Например, ежегодно в марте проводится шествие бывших латышских легионеров и их сторонников-радикалов к памятнику Свободы, организованное обществом ветеранов латышского легиона Waffen SS «Даугавские ястребы в Латвии». Украина в период правления В. Ющенко реабилитировала и героизировала фашистского соратника С. Бандеру и возглавляемое им движение ОУН-УПА. Ему возводятся памятники, в его честь переименовывают улицы и площади Киева и других городов Украины.

Не отставали от них и российские «разоблачители». Квинтэссенцию разоблачений «мифов» о Великой Отечественной войне сконцентрировал В. Батшев, начав с 28 панфиловцев и других «в том же роде: повешенная немцами психически больная школьница Зоя Космодемьянская, которую трусливые мужчины из чекистской банды Судоплатова послали совершить поджог в оккупированном селе; “бросившийся на амбразуру” боец штрафного батальона, уголовник Александр Матросов, юношеская организация “Молодая гвардия” в Краснодаре, свирепо разгромленная немцами за ... хищения, воровство и прочую уголовщину»⁷.

Дело даже не в отсутствии серьезных доказательств по поводу так называемых «разоблачений», а в той политизированной установке, которой автор руководствуется в своей интерпретации событий Великой Отечественной войны. По его логике, разоблачения мифов свидетельствуют о главном: «Странный у нас получается клубок. Не правда ли, читатели? Сплошной узел, карательной машины советской страны, психически неполноценных людей (не забудем, что и Сталин, по утверждению академика Бехтерева, страдал паранойей), писатель, школьница...»⁸

Как представляется, в этом и состоит принципиальная разница между теми профессио-

нальными историками и ответственными публицистами, которые руководствуются стремлением восстановить историческую справедливость в отношении тех или иных забытых событиях Великой Отечественной войны или незаслуженно обойденных ее героев и теми, кто использует неточности, недостаток информации о тех или иных событиях для дискредитации не только политической системы СССР, но и для ослабления позитивного потенциала исторической памяти населения современной России. Этот потенциал продолжает иметь большое значение для выполнения важнейших социальных задач по формированию единой политической идентичности россиян, по воспитанию патриотизма подрастающего поколения, по обеспечению неразрывности исторических традиций, по обоснованию связи между поколениями, по обоснованию преемственности политического развития России.

Речь идет не просто об ослаблении потенциала исторической памяти за счет забвения героических событий Великой Отечественной войны, но и о прямых фальсификациях. В некоторых случаях к ним прибегают официальные лица для подкрепления своих антироссийских политических позиций. Так, премьер-министр Украины А. Яценюк, находясь с официальным визитом в Германии, заявил в вечерней программе немецкого канала ARD: «Мы все хорошо помним вторжение советских войск на территорию Украины и Германии. Этого необходимо избежать. Никто не вправе переписывать итоги Второй мировой войны, что старается сделать российский президент господин Путин»⁹. Как представляется, делать подобные заявления могут только те страны, которые официально признают кровавую деятельность бандеровцев в качестве пособников фашистских оккупантов как национально-освободительную борьбу. При этом не просто игнорируется память о миллионах украинцев, самоотверженно сражавшихся вместе с другими народами СССР в рядах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны и сложивших свои головы в борьбе с «коричневой чумой» XX столетия, но и совершается предательство в их отношении. Фактически на современной Украине поставлена под запрет советская символика победителей над фашистской Германией, а активисты «Правого сектора» презрительно именуют носителей георгиевской ленточки «колорадами» и «ватниками» и жестоко преследуют саму возможность почтить память о Великой Победе.

Польский министр иностранных дел Г. Схетына, публично отвечая на критику в связи с тем, что на 70-ю годовщину освобождения концлагеря не был приглашен Президент РФ В. Путин, заявил в январе 2015 г., что концентрационный лагерь Освенцим-Биркенау освобождали прежде всего украинцы: «Может, лучше сказать, что это первый украинский фронт и украинцы освобождали? Потому что именно украинцы в те

январские дни открывали ворота и освобождали лагерь»¹⁰. Тот факт, что названия фронтов определялись в тот период географией боевых действий, а не этническим составом подразделений Красной Армии, политика не интересует. Для него главное – найти хоть какой-то аргумент в пользу преуменьшения вклада России как правопреемницы СССР, в дело разгрома фашистской Германии. Поэтому поляки вели активную работу в Евросоюзе по противопоставлению празднования 70-летия победы в Москве инициативам о проведении подобных международных мероприятий на территории Польши.

В самой России данная проблематика также продолжает постоянно быть предметом бурных политизированных дискуссий. Например, депутаты Петербургского ЗакСа от партии «Яблоко» выступили против деятельности общественной организации «Родительское всероссийское сопротивление» (РВС), возглавляемой супругой прокремлевского политолога С. Кургиняна. Протест вызвала реализация данной организацией проекта (получившего грантовую поддержку) «Шаги истории» в виде распространяемой в школах стенгазеты, в которой, по мнению депутата А. Кобринского, «на выходе получился человеконенавистнический, глубоко политизированный текст, который фактически оправдывает репрессии времён сталинизма, глумится над памятью миллионов жертв и представляет Советский Союз как некий рай, в который хорошо бы всем нам вернуться»¹¹. Депутаты потребовали «изъять все экземпляры “Шагов истории” из школы, провести проверку по факту её распространения, привлечь виновных к ответственности и принять меры по недопущению подобной политической пропаганды в школах Санкт-Петербурга»¹². Данный протест получил поддержку в либеральных СМИ, возмущенных тем, что «как минимум 200 школ Петербурга учат детей любить Советский Союз. Детям рассказывают о кулаках и колхозах, экстремистах, разваливших страну, об Америке, не додумавшейся до прямых выборов»¹³.

В качестве контраргумента сторонники РВС обратили внимание на то, что «небезызвестное Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”, получающее финансирование из-за рубежа и признанное судом иностранным агентом, с 1999 г. проводило (и продолжает проводить) среди школьников конкурсы “Человек в истории. Россия – XX век”, а среди педагогов – “учительские семинары и конференции”, на которых разъясняется, как и чему именно следует учить наших детей...»¹⁴ В апреле 2015 г. были подведены итоги очередного XVI конкурса, среди направлений которого была заявлена в том числе тема «Цена победы» (так в тексте. – А. В.). В методических советах для участников конкурса его организаторы высказали надежду, что

исследователи данной темы «обратят свое внимание на тех, кому победа принесла не только радость освобождения, но и новые страдания. Мы хотим, чтобы участники конкурса занялись темами, которые до сих пор остаются “белыми пятнами”, – то есть историями, связанными с партизанским движением, с немецкой оккупацией. Словом, чтобы наши конкурсанты задумались над тем, какую невероятную цену пришлось заплатить за победу в Отечественной войне»¹⁵.

Анализ данных материалов показывает, что, несмотря на призывы к изучению «истории повседневности», конкретных семейных событий в их соотношении с историей страны, организаторы конкурса делают акцент, прежде всего, на проблематике массовых репрессий со стороны советского режима и его негативных проявлений на всех этапах истории. Данную методологическую установку в отношении истории Великой Отечественной войны координатор этого школьного конкурса И. Л. Щербакова подробно раскрыла еще в своей статье 2005 г., исходя из того, что «наши дети – жертвы этой выхолощенной и лишенной всякого человеческого содержания казенной “памяти”»¹⁶. Вся «казенная» история войны представлена в статье как история мифов, требующая, по мнению автора, разоблачения на основе рассказов депортированных, репрессированных, свидетелей трусости и предательства. Она высказала надежду, что для носителей памяти «наступил наконец “момент истины”, когда они готовы поделиться устными рассказами и записями, которыми прежде ни с кем не делились. Возможно, что им легче рассказывать тем, кто свободен от предвзятого отношения к событиям Отечественной войны, – то есть внукам и правнукам. Рассказывать о войне, увиденной глазами рядового, об отношении к пленным и о мародерстве, о заградотрядах и дезертирстве, то есть обо всем том, о чем не принято, да и просто страшно было публично вспоминать»¹⁷.

В этой связи совершенно не случайно, что на мероприятии, посвященном награждению победителей конкурса, с приветственным словом выступила также Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Польша в Российской Федерации Катажина Пелчиньская-Наленч. В своем выступлении она сделала акцент на «событиях, которые могли бы быть составляющими так называемой постнациональной памяти, что предполагает память о событиях, которые должны вызывать чувство покаяния, но отнюдь не национальной гордости»¹⁸. Как представляется, в этом заключена квинтэссенция политического смысла данного конкурса и ему подобных мероприятий – вытравить из душ подрастающего поколения чувство гордости за Великую Победу над фашизмом и заменить ее на чувство раскаяния и горечи за свою историю.

При этом сторонники «Мемориала», обосновывая необходимость обращения к «белым пят-

нам» Великой Отечественной войны, фактически игнорируют тот огромный пласт советской литературы и киноискусства, в которых история Великой Отечественной войны представлена во всей своей сложности, трагичности и противоречивости, где соседствуют героизм и предательство, пафос и обыденность, жертвенность и корысть, высокие и низменные чувства. Но в большинстве из них правильно расставлены акценты, позволяющие оценить масштаб той опасности, которая угрожала стране и, соответственно, масштаб и величие того подвига, который совершил советский народ благодаря неимоверным усилиям и героизму на фронте и в тылу. Участником этого подвига в той или иной степени стал каждый советский человек, внося свою лепту в дело Великой Победы. У каждого из них есть своя собственная правда истории Великой Отечественной войны, сквозь призму личного ее восприятия. Для большинства это действительно не официозные и пафосные мотивы героизма, а обыденные кровь и пот, страх смерти и его преодоление, сверхнапряженные усилия, голод и страдания по поводу гибели своих родных и близких людей. Это не только повседневные опасности, переживаемые участниками боевых действий, но и постоянное недоедание тружеников тыла, работающих по полторы-две смены; это переживания матерей, видящих голодные глаза детей; это дети и подростки, вынужденные сменить школьные парты на заводские станки и работу в поле; это хрупкие женщины, заменившие мужчин на самых тяжелых работах, – все эти и многие другие тяготы войны и составили основу того массового героизма, который определяет истинный масштаб и социальную цену Победы.

Организаторы конкурса, признавая наличие лишь «казенной» мифологизированной истории войны, фактически позиционируют себя в рамках конкурса первооткрывателями ее подлинной истории, ориентирующими школьников на изучение живых свидетельств, на факты «семейной истории». Реально эта благая цель в качестве стратегического вектора ориентирована на задачу концентрации познавательного и исследовательского интереса школьников на раскрытие, прежде всего, масштаба репрессий и депортаций, предательства и дезертирства. Они действительно затронули огромные массы людей и нуждаются в объективном и всестороннем изучении. Но акцент на данных трагических сюжетах Великой Отечественной войны не позволит получить панорамное представление о степени напряженности и характере противостояния, об источниках победы СССР над фашизмом. В этом случае одни мифы легко заменяются на другие: «войну выиграли заградотряды», врага «завалили трупами», «сдача Ленинграда позволила бы избежать бессмысленных жертв» и т. д.

Как представляется, историческая память о Великой Отечественной войне действительно

но должна быть памятью скорби о жертвах и запредельных тяготах войны как трагический урок, который нужно усвоить всем поколениям. Но память об этом не должна заслонять памяти о торжестве Победы, о торжестве спасения российских народов от самой страшной угрозы в истории нашей страны и всего человечества, соответственно, помнить о необходимости иметь адекватный потенциал о предотвращении подобной угрозы в настоящем и будущем.

Российские либералы стремятся к тому, чтобы День Победы превратился в день покаяния и расставания с советским прошлым. На практике их акцент на жертвах и цене победы нацелен на постепенное выравнивание в массовом сознании ответственности Гитлера и Сталина за данную войну и на равное осуждение советского режима за «преступления против человечества». Здесь они действуют в унисон с перебежчиком В. Суворовым, который в интервью «Голосу Америки» после празднования 70-летия Великой Победы оценил его как «массовое помешательство народа», как взрыв «чудовищной пошлости»¹⁹.

История Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее ключевой составляющей действительно имеет много «белых пятен», обусловленных в том числе политическими факторами. Кроме тех, на которые указывают отечественные либералы, подобные «неудобные» темы есть и в европейской историографии. Например, об ответственности Франции и Великобритании за то, что в 1930-е гг. переговорный процесс с СССР о заключении договора о взаимопомощи зашел в тупик; о том, как Польша активно противодействовала заключению этого договора; о том как европейские державы канализировали экспансионистские усилия фашистской Германии против СССР путем самых серьезных уступок; об активном участии многих европейских стран в фашистской агрессии против СССР; о роли коллаборационистских правительств в завоеванных Гитлером странах; об участии населения данных стран в работе на предприятиях, выпускающих военную продукцию для гитлеровской армии, и др. Все упреки российских либералов к официальной истории Великой Отечественной войны в недооценке вклада союзников могут в не меньшей степени быть обращены и к западноевропейским учебникам истории, где вклад СССР очевидно занижен. Разнообразные опросы в западноевропейских странах свидетельствуют о том, что не только современные школьники, но и их родители очень плохо знают историю Второй мировой войны, а о роли СССР и о той цене, которую он заплатил за Победу, не знают почти ничего²⁰.

Таким образом, искажение истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны является важнейшим инструментом борьбы в глобальных геополитических отношениях и служит для достижения стратегических и так-

тических антироссийских целей. Объектом искажения исторической памяти выступает, прежде всего, молодежь, для которой эти события воспринимаются как «плюсквамперфектум» (давно прошедшее время) и потому относительно легко поддаются манипулированию. Особую опасность данному процессу придает тот факт, что фальсификация истории нередко возводится в ранг государственной политики «нацистроительства», приводит к существенному расколу общества, которое, как показали события на Украине, может стать одной из причин гражданской войны и социальных потрясений. Поэтому позиция российских либералов, делающих акцент на негативной составляющей исторической памяти о Великой Отечественной войне, объективно работает на деморализацию и дестабилизацию общественных отношений, на ослабление ее интегрирующего потенциала для всех российских народов.

Примечания

- ¹ Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
- ² В 2013 г. в некоторых сочинениях украинских учеников высказывалось сожаление о том, что фашистская Германия потерпела поражение – «если бы фашисты захватили, например, Украину, то она сейчас была бы гораздо богаче и более благополучная» (Украинские школьники жалеют, что фашистская Германия потерпела поражение. URL: <http://vlasti.net/news/162778> (дата обращения: 28.07.2015)).
- ³ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html> (дата обращения: 23.07.2015).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Гудков Л. Сдвиг в сторону гордости и парадности. URL: <http://www.levada.ru/20-04-2015/sdvig-v-storonu-gordosti-i-paradnosti> (дата обращения: 27.07.2015).
- ⁷ Батиев В. Мифы войны. URL: <http://lebed.com/2006/art4815.htm> (дата обращения: 06.03.2015).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Яценюк поведал миру о «вторжении СССР в Германию». URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2262213> (дата обращения: 09.01.2015).
- ¹⁰ Глава МИД Польши попытался объяснить свое заявление об освобождении Освенцима украинцами. URL: <http://news.rambler.ru/28817714/> (дата обращения: 09.03.2015).
- ¹¹ Депутаты ЗакСа Борис Вишневецкий и Александр Кобринский (фракция «ЯБЛОКО») требуют провести проверку по факту распространения в школе № 84 Петроградского района пропагандистской стенгазеты. URL: <http://spb.yabloko.ru/node/3386> (дата обращения: 14.04.2015).
- ¹² Там же.
- ¹³ Кургина заметили в школах. URL: <http://www.fontanka.ru/2015/04/09/098/> (дата обращения: 13.04.2015).

- ¹⁴ Сеньявская Е. Бои за историю : недетские игры на школьном дворе. URL: <http://www.regnum.ru/news/society/1921610.html> (дата обращения: 06.05.2015).
- ¹⁵ Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». Материалы в помощь участнику конкурса. URL: <http://www.memo.ru/uploads/files/770.pdf> (дата обращения: 23.07.2015).
- ¹⁶ Щербакова И. Над картой памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/sh13.html> (дата обращения: 23.07.2015).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ XVI конкурс : награждение победителей. URL: <http://urokiistorii.ru/node/52626> (дата обращения: 23.07.2015).
- ¹⁹ Суворов В. Нацисты были побеждены вопреки Сталину. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/viktorsuvorov-nazi-overwar-against-stalin/2766469.html> (дата обращения: 17.05.2015).
- ²⁰ См., например: Вторая мировая глазами иностранцев. URL: <http://discussiya.com/2009/05/08/2nd-world-war/> (дата обращения: 28.07.2015).

УДК 32(470+571)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Д. В. Доленко

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск
E-mail: dvdolenko@yandex.ru

В статье анализируется проблема цивилизационного выбора России, его альтернативы в политическом развитии. Рассмотрены концепции этих альтернатив в отечественной политической науке, показана их реализация на основных этапах истории страны. Анализируется сочетание европейского выбора и российского пути в политике современной России.

Ключевые слова: Россия, Европа, Запад, цивилизационный выбор, европейский выбор, российский путь, демократия.

Civilizational Choice in a Political Evolution of Russia

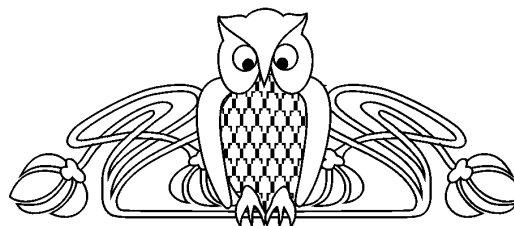
D. V. Dolenko

The article analyzes the problem of civilizational choice of Russia and its alternative in the political development. The author describes concepts of the alternatives in Russian political science and shows implementation of the alternatives on key stages of the history of the country. Author analyzes the combination of European and Russian ways in the politics of modern Russia.

Key words: Russia, Europe, West, civilizational choice, European choice, Russian way, democracy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-68-72

Проблема цивилизационной идентичности России и выбора соответствующего цивилизационного пути развития обсуждается в отечественной политической науке уже почти два столетия. Причем само появление соответствующего теоретического дискурса было обусловлено крупными геополитическими переменами и историческими событиями в Европе. Падение Византийской империи стало поводом создания концепции «Москва – третий Рим». Французская революция и последовавшая война с Францией дали новый мощный толчок для осмысления места России в мировой истории и политике.

Современный кризис в отношениях России со странами Запада вновь актуализировал выше-названную проблему цивилизационной идентичности России.

Сама эта проблема обсуждается в контексте отношений России с Европой, европейской (западной) цивилизацией, которая отождествляется в культурном плане с христианством, а в экономическом и политическом аспектах – с рыночной экономикой и демократией (выражаясь современным языком). Именно в Европе, в античной Греции и Риме зародились базовые экономические и политические феномены, на основе которых сформировались современные европейские политические и экономические системы: частная собственность, гражданская свобода, республиканская форма власти, право и т. д. Поэтому европейский выбор означал не что иное как выбор пути развития на основе именно этих ценностей – частной собственности, свободы предпринимательства, политической свободы. В зависимости от ответа на вопрос о принадлежности (или непринадлежности) России к Европе в отечественной науке оформилось несколько основных концептуальных подходов: 1) концепция европейского выбора, европейского пути; 2) концепция самобытного, особого цивилизационного пути; 3) концепция конвергенции, сближения России и Запада (межцивилизационной интеграции). Первые два концептуальных подхода (европейского выбора и самобытного, особого пути) были сформулированы еще в XIX в. западниками и славянофилами и с тех пор лишь развивались и дополнялись новыми аргументами. Подход западников к проблеме «Россия и Европа» фактически базировался на идее евро-